

СОЦИОПРИРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЧИН И СЛЕДСТВИЙ ГОЛОДА 1921–1923 ГГ. В ПОВОЛЖЬЕ

© 2023

Макеева Е.Д.

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье представлен анализ социоприродных аспектов причин и следствий голода начала 1920-х гг. в Поволжье. В качестве существенной причины голода рассматриваются экологические проблемы антропогенного характера, которые появились в данном регионе еще во второй половине XIX в. Именно они в значительной степени обуславливали периодические засухи и неурожаи, приводившие к голоду. К важным следствиям голода автор относит масштабную ирригацию и мелиорацию земель, строительство гидроузлов и водохранилищ, а также лесоразведение, начало которым в Среднем Поволжье было положено в 1930-х гг. Благодаря взаимодействию власти и общества в реализации государственных программ по борьбе с засухой и неурожаями, во второй половине XX в. удалось ликвидировать угрозу нехватки продовольствия и возникновения в связи с этим тяжелых социальных проблем. Исследование базируется на ряде опубликованных и неопубликованных документов, в том числе на архивных материалах, в которых присутствуют свидетельства современников описываемых событий и процессов. Содержание статьи и сформулированные ее автором выводы соответствуют актуальным направлениям развития социально-экономической и экологической истории России.

Ключевые слова: голод 1921–1922 гг.; борьба с засухой; социоприродные факторы; оросительные системы; ирригация Заволжья; мелиорация земель; преобразование природы; экологическая история России.

SOCIO-NATURAL ASPECTS OF THE CAUSES AND CONSEQUENCES OF THE FAMINE OF 1921–1923 IN THE VOLGA REGION

© 2023

Makeeva E.D.

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. This paper analyzes socio-natural aspects of the causes and consequences of the famine in the early 1920s in the Volga region. Ecological problems of anthropogenic nature, which appeared in this region in the second half of the 19th century, are considered as an essential cause of famine. It was those problems that largely caused periodic droughts and crop failures that led to famine. The author considers large-scale irrigation and land reclamation, construction of waterworks and reservoirs, as well as afforestation, which began in the Middle Volga region in the 1930s, to be important consequences of the famine. Thanks to the interaction of the authorities and society in the implementation of state programs to combat drought and crop failures, in the second half of the twentieth century, it was possible to eliminate the threat of food shortages and the emergence of severe social problems in this regard. The research is based on a number of published and unpublished documents, including archival materials, which contain evidence of contemporaries of the events and processes described. The content of the paper and the conclusions formulated by its author correspond to the current trends in the development of socio-economic and environmental history of Russia.

Keywords: famine of 1921–1923; fight against drought; socio-natural factors; irrigation systems; irrigation of the Volga region; land reclamation; transformation of nature; ecological history of Russia.

Причины возникновения масштабного голода в Советской России в 1921–1923 гг. специалистами исследованы достаточно глубоко. Они носили преимущественно социально-политический характер (негативные последствия военных действий, разорение миллионов крестьянских хозяйств и продовольственная разверстка). В то же время существенное значение имели и социоприродные факторы, которые пока изучены историками недостаточно. Прежде всего, к ним относятся засуха и неурожай, случившиеся в 1920–1921 гг., от которых пострадали 35 губерний страны. Однако кратковременными погодными аномалиями дело не ограничивалось. Социоприродные аспекты причин голода связаны с ухудшением экологической обстановки в целом, начавшимся еще на рубеже XIX–XX вв. Данная проблема рассматривается всего в нескольких работах российских авторов,

занимающихся вопросами экологической истории (А.В. Виноградов, Е.В. Воейков, Н.С. Цинцадзе). Их работы посвящены, например, истории промышленного природопользования [1], лесной промышленности и лесозаготовок [2], взаимодействия государства, общества и природы в России [3–5] и т.д. Территориальные рамки исследования, результаты которого представлены в данной статье, ограничены Средним Поволжьем, но при этом ситуация в других голодавших регионах складывалась аналогичным образом.

Целью данной статьи является обоснование двух тезисов: 1) негативные антропогенные факторы, воздействовавшие на природу на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. – одна из значимых причин голода начала 1920-х гг. в Поволжье; 2) масштабная ирригация засушливых территорий Поволжья, начавшаяся в 1930-х гг., и дальнейшие попытки

«преобразования природы» – это следствие социальных потрясений, вызванных неоднократно возникавшими неурожаем и голодом в данном регионе.

Известно, что на значительной территории России климатические условия не способствуют успешному земледелию. Холодные зимы, летние засухи и суховеи, в сочетании с неэффективным сельским хозяйством, приводили к неурожаям и голоду практически каждые 7–8 лет. Однако страшный голод 1921–1922 гг. превзошел по масштабам и последствиям все предшествующие. По призыву советской власти, обеспокоенной разразившейся катастрофой, специалисты (экономисты и аграрии) уже в 1920-е гг. начали изучать ее причины и составлять рекомендации по борьбе с засухой и восстановлению сельского хозяйства. Содержание докладов и записок, поступавших в Наркомат земледелия от ученых и представителей общественности, а также архивных документов тех лет позволяет утверждать, что низкие урожаи и засухи в значительной степени отражали характер экологической ситуации, сложившейся в регионе вследствие многолетней вырубке лесов, разрушения плодородного почвенного слоя и его деградации, обмеления и пересыхания малых рек и других водоемов. Все это стало следствием активного освоения природы человеком, а также политических событий и социально-экономических процессов, происходивших в стране, начиная с середины XIX века.

По словам экономиста З.С. Каценеленбаума, изучавшего причины частных неурожаев в южных и юго-восточных регионах России, к 1921 году все земли в стране «требовали ремонта», так как на Среднерусской равнине «стихийно веками шло срывание лесов и обращение их в пашню и луга самыми примитивными способами» [6, л. 7].

Лес играет огромную роль в удержании влаги в почве, поддержании ее плодородия и благоприятных микроклиматических условий в целом, выполняет гидроэкологическую функцию, способствуя локальному увеличению сумм атмосферных осадков, перераспределению снеговых запасов и уменьшению испарения влаги. Он также сдерживает распространение зыбучих песков, не дает расти оврагам, укрепляя почвенный покров. Данные факты уже в начале XX в. были хорошо известны специалистам-лесоводам, почвоводам и аграриям [7], однако землевладельцы и простые крестьяне об этом даже не задумывались. Их отношение к природе носило сугубо утилитарный и безответственный характер.

Во все времена лес в России вырубался весьма активно, без особых ограничений, ведь древесина всегда являлась ценным природным ресурсом. Нередко местное население производило самовольные порубки, занимаясь таким образом хищениями леса. После крестьянской реформы 1861 года проблема сокращения площади лесов усугубилась, так как многие крестьяне, которым не хватало плодородной земли, стали превращать лесные участки в пашню. Сельское хозяйство велось экстенсивным способом, основывавшемся на примитивных методах обработки земель. В целом ситуация, сложившаяся в аграрной сфере, описывалась современниками в негативном ключе: «Темнота массы, отсталые формы обработки земли и вообще нерациональность построения крестьянского хозяйства вели к тому, что каждый

неурожай болезненно переживался населением и сильно подрывал его благосостояние. ... Каждый неурожай отзывался прежде всего сокращением площади посева и количества скота» [8, с. 26].

Работники лесничества свидетельствовали о многочисленных случаях нарушения правил эксплуатации лесов со стороны как частных владельцев, так и крестьянских обществ. Упоминания о них встречаются, например, в документах местных органов власти: «нельзя было равнодушно смотреть на неимоверное истребление крестьянами своих лесных наделов, вырубки производились варварским способом, без внимания к природе и возрасту леса... Частновладельцы также истребляли свои леса для своих выгод, продавая их большими площадями лесоторговцам...» [9, л. 42 об.].

В 1918–1921 гг. на фоне острого топливного кризиса, вызванного революционными событиями и Гражданской войной, темпы вырубки лесов резко увеличились. Государственные организации, предприятия и топливные комитеты зачастую превышали годовые нормативы лесозаготовок в несколько раз. Увеличился и объем самовольных вырубок местным населением. Крестьяне стали считать любой лес своим, из него брали все возможные ресурсы, особенно в голодные годы. Предотвратить хищения у новой власти не было никакой возможности, так как катастрофически не хватало лесных стражников [10, л. 7; 11, л. 178 об., 282; 12, л. 13]. Значительная их часть была мобилизована в ряды военнослужащих, у тех же, кто остался в лесоохране, существенно снизилась зарплата по сравнению с дореволюционным временем, и даже это жалованье нередко выплачивалось с задержкой [13, л. 75 об.; 14, л. 6, 7, 7 об., 24, 86, 182; 15, л. 26; 16, л. 39 об.]. При этом полномочия работников лесного ведомства были ограничены, а в 1918–1919 гг. по решению властей у них изъяли штатное оружие. Защитить себя и свои семьи лесным стражникам стало нечем, и выполнение ими служебных обязанностей нередко заканчивалось трагически, случалось, они погибали на своем посту [16, л. 39 об., 40, 53]. Совокупность перечисленных факторов, безусловно, оказывала негативное влияние на работу лесоохранной службы, ее эффективность находилась на низком уровне. В результате всего вышеперечисленного в период Гражданской войны леса Среднего Поволжья были вырублены на годы и даже десятилетия вперед [16, л. 64–64 об.; 17, л. 46; 18, л. 2; 19, л. 65; 20, л. 64; 21, л. 31; 22, л. 20].

Помимо сверхнормативных вырубок значительный ущерб лесному хозяйству наносили пожары. Особенно значительная площадь лесов выгорела в период летней засухи 1920 и 1921 гг. Только в Самарской губернии в 1920 г. было зафиксировано 130 лесных пожаров, охвативших 2,5 тыс. десятин, а в 1921 г. – в 4,6 раз больше: 598 пожаров на территории в 28,3 тыс. десятин [23, л. 6 об.]. К причинам возгораний относились не только сильнейшая засуха, но и человеческий фактор: несоблюдение лесозаготовителями правил ведения рубок и пожарной безопасности, например захламление мест рубок, отсутствие противопожарных полос на многих участках, разведение костров и курение в лесу лесорубами и перевозчиками дров [24, л. 2–3; 10, л. 52 об.; 25, л. 46]. При этом в распоряжении властей не было

практически никаких средств предупреждения и локализации лесных пожаров. Для их тушения катастрофически не хватало людей, существующая специальная пожарная стража нередко покидала свои посты, особенно когда начался голод. Летом 1921 г., когда ситуация приобрела чрезвычайный характер, к тушению пожаров привлекли части Красной армии [26, л. 70 об.].

Экологические последствия лесных пожаров всегда довольно значительны: они оказывают разрушительное влияние на почву и ее обитателей, что приводит не только к гибели растительного покрова и живых организмов, но и деградации плодородных свойств почвенного слоя, его эрозии. При этом восстановительные процессы занимают десятки лет, со временем в горевшем лесу легко размножаются вредители и распространяются болезни деревьев. Хищническая эксплуатация лесных ресурсов отражалась на состоянии всей природы региона. Сокращение площади лесов нарушало естественный природный баланс, негативно влияло на климат, речные системы и небольшие местные водоемы, которые являлись главным источником влаги для выращивания сельскохозяйственных культур.

Ученые-лесоводы еще в начале 1920-х гг. пытались привлечь внимание власти и общественности к проблеме бесконтрольной вырубки лесов и безответственного отношения к природе в целом. Например, воронежский специалист по лесному хозяйству В.И. Иванов писал о том, что национализация леса фактически обусловила его сведение, поскольку «лес оказался имуществом «без собственника», публичным, им пользовались все и как угодно», «его уничтожали будто бы вообще правовых норм не существовало» [3, с. 33; 6, л. 209–210]. Юрист О.Г. Гольдовский, занимавшийся в то время вопросами правового регулирования землеустройства и мелиорации, констатировал: «в земледельческих губерниях европейской части РСФСР реки мелели, засыпались илом и песком, часты были засухи, которые обострялись из-за вырубки лесов, распашки склонов рек, оврагов, засорения рек. В городах случались эпидемии инфекционных заболеваний из-за употребления в пищу грязной воды, пожары бывало нечем тушить. Причинами этого были низкий уровень сельскохозяйственных и технических знаний, материальная необеспеченность, отсутствие разумного руководства со стороны власти, продуманного законодательства» [3, с. 34].

Таким образом, даже краткий обзор экологической обстановки в Поволжье 1920-х гг., позволяет сделать вывод о том, что социоприродные факторы увеличивали риск возникновения засух, усугубляли их последствия и сыграли значительную роль в возникновении голода 1921–1923 гг. Выход из сложившейся ситуации как специалистам, так и представителям власти виделся в принятии разнообразных мер по мелиорации земель, строительстве ирригационных систем и проведении лесотехнических работ. Необходимо было серьезно заниматься охраной и восстановлением лесов, очисткой русел и берегов рек, созданием систем орошения сельскохозяйственных полей. Все это требовало наличия большого количества специалистов соответствующих квалификаций, а также значительных финансовых средств, которых в 1920-е гг. в бюджете страны просто не было.

Необходимо отметить, что проблема засух и неурожаев, а также необходимость ирригации земель в Поволжье начала обсуждаться учеными, инженерами и аграриями еще в конце XIX века, после тяжелого голода 1891–1892 гг. На сельскохозяйственном съезде в Саратове в 1893 г. начальник экспедиции по орошению на юге России И.И. Жилинский представил широкую программу создания опытных мелиоративных станций. Однако организовать строительство государственной сети специальных ирригационных сооружений и систем в засушливых регионах страны правительству Российской империи так и не удалось. На местах решение задачи орошения земель возлагалось на земства, у которых для этого просто не было соответствующих ресурсов.

Местное крестьянство по мере своих возможностей строило пруды и создавало малые орошаемые участки, осуществляло простейшие мелиоративные работы. В некоторых селах еще в первой половине XIX в. появились небольшие искусственные водоемы при мельничных установках. В Самарской области, например, сохранились старые пруды в окрестностях села Сосновка Ставропольского района (пруд Дворянский), в окрестностях сел Успенка и Гундоровка Сергиевского района (пруды в бывшем имении графа Н.Г. Гарина-Михайловского), в ботаническом саду г. Самара. Однако все они не имели сельскохозяйственного значения. В 1920-е гг. появились первые насосные механизмы на водоемах, используемых для орошения обрабатываемых земель, например, на реках Моча (ныне Чапаевка), Чагра и других. Однако подавляющее большинство простейших гидросооружений по-прежнему возводилось при мельницах. Решению проблемы орошения полей эти точечные меры не способствовали [27, с. 153].

Обсуждение необходимости принятия радикальных мер по борьбе с засухами и неурожаями активизировалось сразу после начала голода в 1921 г. Площадь пострадавшей территории и число голодавших людей оказались столь велики, что советское правительство было вынуждено немедленно привлечь все возможные силы и средства к решению проблемы, в том числе обратиться за помощью к общественности. Специалисты в области экономики, естественных наук и сельского хозяйства начали исследовать причины сложившейся ситуации, разрабатывать рекомендации по выходу из нее и направлять записки со своими предложениями в Наркомат земледелия. Их содержание, по словам историка Н.С. Цинцадзе, демонстрирует «высокий уровень понимания общим взаимосвязи антропогенного и природного факторов при хозяйственном использовании природных ресурсов в сельском хозяйстве. Ученые единодушно осознавали то, что неурожай и голод 1921 г., как и 1891 г., был следствием неразумного природопользования» [5, с. 40].

Необходимо было документально зафиксировать государственную позицию по данному вопросу, и в апреле 1921 г. Совет труда и обороны издал два постановления: «О борьбе с засухой» и «О конкретных мерах борьбы с засухой», в которых преодоление последствий засухи было названо «делом первостепенной важности для сельскохозяйственной жизни страны». Наркомзему вменялось в обязанность начать в экстренном порядке проведение мелиоративных, аг-

рономических и сельскохозяйственных мероприятий: расширить площадь лугов и пастбищ, укрепить пески и овраги (в особенности в Саратовской, Самарской, Царицынской, Астраханской, Тульской губерниях и Донской области); устроить снегозаборные полосы и изгороди; провести лесовосстановительные работы; расширить сеть простейших оросительных систем и т.д. [28; 29]. Практическая реализация данных постановлений вошла в активную фазу во второй половине 1920-х гг., когда страна оправилась от последствий войны, голода и разрухи.

В октябре 1927 г. на заседании Совета Народных Комиссаров СССР был рассмотрен вопрос о реконструкции сельского хозяйства засушливых районов Поволжья на водохозяйственной базе. Для разработки схемы орошения создается Особая комиссия под председательством сотрудника водной секции Госплана СССР А.В. Чаплыгина. По итогам изысканий члены комиссии пришли к выводу, что «естественно-исторические условия – постоянный дефицит в водном балансе почв района, имеющий место даже в годы, благополучные по засухе, и резко возрастающий в засушливые годы, и экономическая острота восприятия засухи в этом районе с достаточно развитым земледелием и, наконец, невозможность даже в условиях опытной станции изжить катастрофическое падение урожая в годы засухи – все это свидетельствует о необходимости принятия здесь более радикальных мер, каковыми являются ирригационные мероприятия» [30, с. 208]. С окончанием НЭПа, в 1928 г., Советское государство взяло курс на решительное покорение природы, ее подчинение интересам индустриализации. Повышение урожайности в сельском хозяйстве было объявлено одним из приоритетных направлений первых пятилетних планов, ознаменовавших переход к плановому хозяйству.

Первый пятилетний план (1928–1932 гг.) предусматривал широкое развитие мелиорации в Поволжье, на Северном Кавказе и в Сибири. В 1932–1933 гг. вновь случились засуха и голод, укрепившие уверенность власти в необходимости приспособления условий естественной среды к нуждам сельского хозяйства. В 1932 г. СНК и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О борьбе с засухой и орошении Заволжья», поставившее задачу – оросить более 4 млн га в Среднем и Нижнем Заволжье с целью создания устойчивой зерновой базы с производством 300 млн пудов пшеницы на поливных землях (урожайность ~ 20 ц/га) [31, л. 29].

Во втором пятилетнем плане (1933–1937 гг.) шла речь о еще более широком развитии мелиорации. В 1934 г. Совнарком СССР признал орошение засушливых районов Заволжья важнейшей государственной задачей и утвердил план ирригационных работ в Заволжье на местном стоке [32]. Практически сразу же гидростроители приступили к его осуществлению. Если в 1933 г. общая площадь орошаемых земель в Самарской области, например, составляла всего 500 га, то в 1937 г. эта цифра составила 600 тыс. га. Такого грандиозного результата удалось достичь благодаря строительству ирригационных систем на заволжских территориях. В 1934–1938 гг. была построена Бузулукская оросительная система с водохранилищами на реках Домашка и Елшанка в Оренбургской области, в 1935–1940 гг. – Кутулук-

ская оросительная система с крупнейшим водохранилищем на реке Кутулук в Куйбышевской области. Благодаря их эксплуатации удалось увеличить урожайность зерновых культур в 4–5 раз. В 1950 г. с местных орошаемых полей стали собирать 20–25 центнеров зерна с гектара против 5–6 центнеров в 1930-х гг.

Одновременно государство занималось решением проблемы сбережения лесных ресурсов, значительная часть которых была уничтожена в 1920-е – первой половине 1930-х гг. В 1936 г. при Совнарком СССР появилось Главное управление лесоохраны и лесонасаждений с подразделениями в регионах. Разрабатывались и принимались нормативные документы, защищавшие леса от избыточных рубок. Местные органы власти и общественные организации присоединились к работам по восстановлению и охране лесного хозяйства. Наиболее активное участие в этом деле принимали участники Всероссийского общества охраны природы (ВООП), движение юннатов, пионерская и комсомольская организации. Позже (с 1960-х гг.) к озеленению, лесоохране и борьбе с браконьерством подключились студенческие дружины охраны природы, школьные лесничества, зелёные патрули и другие представители общественности. Благодаря усилиям власти и общества по предотвращению засухи и неурожаев, их взаимодействию в особо сложные времена ситуация в сельском хозяйстве постепенно улучшалась.

Последний голод в СССР (1946–1947 гг.) был обусловлен целым рядом причин, однако не последнюю роль в его возникновении сыграла засуха 1946 года, еще раз убедительно показавшая, что реализация планов ирригации Заволжья остается жизненно важной задачей для страны. Следствием ее стала разработка комплексной программы, направленной на предотвращение суховеев, песчаных и пыльных бурь путём создания искусственных водоёмов, посадки Государственных защитных лесных полос и внедрения травопольных севооборотов в засушливых районах Советского Союза. Задачи, поставленные партией и правительством в рамках этой программы, были перечислены в постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоёмов для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР». Широкой общественности данный документ больше известен под неофициальным названием – «Сталинский план преобразования природы».

В процессе реализации этого плана предполагалось внедрить систему травопольного земледелия, высадить более 4 млн га леса и создать восемь полезащитных лесополос общей протяженностью в 5320 км в засушливых степных и лесостепных районах страны (Центрально-Черноземный район, Поволжье, Кубань, Северный Казахстан и др.). Одновременно расширялась программа по созданию оросительных систем. С этой целью соответствующие министерства, республиканские и региональные органы власти должны были обеспечить «широкое развитие строительства в колхозах и совхозах прудов и водоемов в естественных ложбинах, у истоков рек, в верховьях балок и оврагов и в других естественных

понижениях, а также строительство водоемов на малых реках для регулирования и использования местного стока воды...» [33]. Мелиоративное и гидротехническое строительство с конца 1940-х приобрело настоящею грандиозный размах. К середине 1950-х годов в Среднем Поволжье было создано 5782 искусственных водоема общим объемом 214,6 млн м³ и общей площадью водного зеркала 144,64 км². Их появление имело не только важное сельскохозяйственное значение, но и позволило наладить транспортное сообщение по воде между ранее не связанными населенными пунктами.

Известно, что создание полезащитных лесных полос не обошлось без перегибов. Посадки деревьев (в основном дуба) производились так называемым «гнездовым» способом, который был разработан директором Института генетики АН СССР Т.Д. Лысенко. Его метод основывался на идее о том, что растения одного вида не только не препятствуют развитию друг друга в загущенных посевах, а, напротив, способствуют лучшему росту своих собратьев, и это повышает эффективность их выращивания. Впоследствии ученое сообщество признало данную идею Т.Д. Лысенко ложной, а гнездовой способ посадки – антинаучным. Против его использования на практике для массовой посадки деревьев неоднократно выступали и генетики, и лесоводы. Однако И.В. Сталин распорядился полезащитные полосы создавать именно этим способом, поскольку его разработчик обещал быстрый и очень значительный результат. Антинаучный эксперимент, естественно, провалился: к 1956 г. в виде полноценных деревьев сохранилось только 4,3% от общего числа саженцев. По оценке заместителя министра лесного хозяйства СССР В.Я. Колданова, в результате реализации проекта полезащитного лесоразведения методом Т.Д. Лысенко страна понесла убытки в размере около одного миллиарда рублей [34, с. 17].

Практически сразу после смерти И.В. Сталина работы по «преобразованию природы» прекратились, хотя программа была рассчитана до 1965 г. Со временем часть лесополос было вырублено, а несколько тысяч искусственных прудов и водоемов оказались заброшены. Несмотря на все перегибы и возникавшие на местах агротехнические проблемы, следует отметить, что «Сталинский план преобразования природы» стал первой в мире масштабной экологической программой. Фрагменты государственных лесных защитных полос сохранились до наших дней, они способствуют сохранению биологического разнообразия местных экосистем и по-прежнему смягчают последствия засух, защищая поля от суховея летом и задерживая на них снег весной. Их создание на рубеже 1940-х – 1950-х гг., одновременно с внедрением системы травопольного земледелия, помогло значительно улучшить ситуацию в аграрной сфере, повысив урожайность сельскохозяйственных культур и создав надежную кормовую базу для животноводства.

Что касается создания целой сети водохранилищ, гидротехнических сооружений и ирригационных систем в Поволжье, оно имело как положительные, так и отрицательные следствия. К концу XX в. во многих сельскохозяйственных районах, широко применявших искусственное орошение земель, проявились

различные проблемы, связанные с состоянием окружающей среды: обмеление водоемов, снижение уровня грунтовых вод, уменьшение стока рек, загрязнение поверхностных вод, засоление почвы и др. Эти факторы влияют на жизнь местного населения не лучшим образом, а их долговременные последствия не могут точно прогнозировать даже специалисты. Масштабное «преобразование природы» человеком, его вмешательство в естественные экосистемы, безусловно, никогда не проходит бесследно.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что экологические проблемы, возникшие в Поволжье в конце XIX – начале XX вв. в результате неразумного природопользования, оказали негативное влияние на качество окружающей среды и, как следствие, стали одной из причин неурожая в сельском хозяйстве и периодически возникавшего голода. Этот факт был зафиксирован в документах и публикациях первой трети XX века, а также широко обсуждался общественностью, заинтересованной в совершенствовании технологий, применяемых в сельском хозяйстве. Ученые, лесоводы, агрономы и даже крестьяне предлагали способы решения проблемы засух и неурожая, доносили до власти свои практические рекомендации. Власть при этом нередко прислушивалась к обществу и способствовала реализации поступивших предложений. Важно отметить, что голод, от которого регулярно страдали одни и те же регионы страны, в том числе наиболее катастрофичный по своим последствиям голод начала 1920-х гг., в эпицентре которого оказалось Среднее Поволжье, заставил общество осознать тесную взаимосвязь природных и антропогенных факторов в окружающем мире и переосмыслить некоторые практики природопользования, что стало его важным социоприродным следствием. В дальнейшем, благодаря реализации масштабных государственных программ мелиорации и орошения земель, а также созданию целой сети государственных и общественных структур, занимавшихся охраной и восстановлением лесов, Советскому государству удалось значительно улучшить ситуацию с обеспечением населения продовольствием, ликвидировав угрозу возникновения катастрофических засух, приводящих к неурожаям и голоду на значительных территориях страны.

Список литературы:

1. Виноградов А.В. Промышленное природопользование и процесс обезлесения Казанской губернии в XIX в. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10490>.
2. Воейков Е.В. Лесные пожары в Среднем Поволжье: забытая экологическая катастрофа времен Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2020. № 4 (66). С. 112–128.
3. Цинцадзе Н.С. Социоприродные факторы засухи и голода 1921 года в РСФСР: осмысление властью и обществом // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (57). С. 30–42. DOI: 10.26105/sspu.2019.57.6.003.
4. Цинцадзе Н.С. Экологические проблемы аграрного общества России и их решение: модель государственно-общественного взаимодействия // Вопросы истории. 2019. № 12–1. С. 166–179. DOI: 10.31166/voprosyistorii201912statyi11.

5. Цинцадзе Н.С. Государство, общество и природа в России конца XIX – первой трети XX века: танго втроём. СПб.: Алетейя, 2019. 570 с.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 2. Д. 134.
7. Надо поднять лесное хозяйство (значение леса в Самарской губернии) // Коммуна. 1924. 11 апреля. С. 1.
8. Григорьев К. Последствия неурожая и голода // Ужасы голода в Самарской губернии (новогодний номер «Известий Самарского Губсоюза»). 1922. № 1. С. 25–26.
9. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 195.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-259. Оп. 86. Д. 2525.
11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-3550. Оп. 1. Д. 18.
12. ЦГАСО. Ф. Р-3557. Оп. 1. Д. 1.
13. ГАУО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 433.
14. ЦГАСО. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 115.
15. ЦГАСО. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 402.
16. ЦГАСО. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 3.
17. ЦГАСО. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 39.
18. ЦГАСО. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 72.
19. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 179.
20. ГАПО. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 10.
21. ГАПО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 10.
22. ГАУО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 33.
23. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 9. Д. 1567.
24. РГАЭ. Ф. 2254. Оп. 1. Д. 56.
25. ЦГАСО. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 71.
26. ГАПО. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 824.
27. Соловьева В.В. Этапы создания искусственных водоемов Среднего Поволжья // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2016. Т. 25, № 1. С. 152–162.
28. 27 апреля. Постановление СТО о борьбе с засухой // Декреты Советской власти. Т. 14. Апрель 1921 г. М.: Археографический центр, 1997. С. 145–146.
29. 29 апреля. Постановление СТО о конкретных мерах по борьбе с засухой // Декреты Советской власти. Т. 14. Апрель 1921 г. М.: Археографический центр, 1997. С. 157–160.
30. Чаплыгин А.В. Проблема ирригации Заволжья // Плановое хозяйство. 1928. № 12. С. 207–224.
31. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 885.
32. Об ирригации Заволжья на местных стоках. Постановление СНК СССР от 03.09.1934 № 2043 // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1934. № 208. 4 сентября. С. 661–663.
33. О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоёмов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР: постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20.10.1948 г. № 3960 // Известия. 1948. 24 октября. С. 1–6.
34. Колданов В.Я. Некоторые итоги и выводы по полезащитному лесоразведению за истекшие пять лет // Лесное хозяйство. 1954. № 3. С. 10–18.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Макеева Екатерина Дмитриевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры физики, математики и методики обучения; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: makeeva.ed@mail.ru.</p>	<p>Makeeva Ekaterina Dmitrievna, doctor of historical sciences, associate professor, professor of Physics, Mathematics and Teaching Methods Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: makeeva.ed@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Макеева Е.Д. Социоприродные аспекты причин и следствий голода 1921–1923 гг. в Поволжье // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 1. С. 170–175. DOI: 10.55355/snv2023121206.